

Ф. И. Тагирова (Казань)

**Взаимодействие языков Волго-Уральского языкового союза
на уровне словообразования (на примере сложных слов)**

Каждая нация в процессе исторического развития подвергается влиянию других наций и, в свою очередь, сама влияет на них. Какое из взаимодействующих сторон окажет более сильное воздействие, зависит от таких показателей, как степень общественного развития, уровень развития материальной и духовной культуры, национальное самосознание, менталитет и т. п. Иными словами, чем выше эти показатели у народа, тем большее влияние оказывает он сам, и меньшему влиянию подвергается.

Язык, будучи одним из основных признаков нации, всегда несет в себе материальные следы такого взаимодействия. И чем теснее и длительнее были контакты между народами, тем больше обнаруживается в языке свидетельств этих контактов.

Регион Поволжья, Прикамья и Приуралья может служить наглядным примером взаимовлияния и взаимопроникновения народов и языков. Речь здесь идет о тюркских, финно-угорских и славянских народах. Необходимо отметить, что интенсивность влияния связана с объектив-

ными конкретно-историческими факторами. Так, в период своего расцвета Булгарское государство и Казанское ханство оказали сильнейшее влияние на своих соседей в самых различных областях. Например, М. Г. Худяков писал: “С основами государственной культуры русские познакомились через татар” [Худяков 1990: 235]. Сюда он относит перепись населения, систему податного обложения, письменное делопроизводство, боярскую думу, земский собор, стрелецкое войско и т. д., не говоря уже о культуре, быте и языке. Он приводит заимствованные русским языком слова, относящиеся к торговле: *алтын, амбар, аршин, базар, бакалея, балаган* и др.; к костюму и украшениям: *башлык, башмак, бешмет, кисет, кошель, бязь, кайма*; к военному делу: *атаман, казак, богатырь, кремль, кинжал* и др.; к государственной и общественной жизни: *баскак, тамга, казна, таможня, караул, ярлык, каланча, кабак, калитка* и др.

Другие соседние народы и языки также не могли остаться вне этого влияния; в основном мы имеем в виду наиболее близкие в территориальном отношении языки: марийский, удмуртский и мордовские. В период, последовавший после падения Казанского ханства (и связанной с этим русской колонизации), речь следует вести уже о русском влиянии, вплоть до ассимиляции.

Однако элементы булгарско-татарского влияния не были утрачены. По нашему мнению, они укоренились так сильно потому, что были заимствованы в период, когда формировались сами народы и складывалась структура национальных языков.

Именно этим можно было бы объяснить тот факт, что речь идет не только о лексических заимствованиях. Как отмечает И. В. Тараканов, “влияние тюркских языков сказалось не только на лексическом и семантическом уровне, но и на фонетике и грамматическом строе удмуртского языка” [Тараканов 1993: 26]. Не случайно тюркское влияние на разных языковых уровнях изучалось едва ли не всеми исследователями удмуртского языка, начиная от Й. Буденца, Б. Мункачи, вплоть до современных ученых. В разные годы этим вопросом занимались И. В. Тараканов, В. К. Кельмаков, Э. Беке, К. Редеев, А. Рона-Таш, Т. И. Тепляшина и др. Нам хотелось обратить внимание на связи на словообразовательном уровне языка. В этом плане сложные слова являются особо показательными, в процессе вторичной номинации в них отражается степень освоенности заимствования. Так, среди них есть сложные слова, заимствованные в готовом виде: *анай-атай* ‘родители’, *акась-тукась* (ср. *äkä́m-täkä́m* ‘улитка’, *арам-сюрам* (ср. *ä́räm-šä́räm*) ‘зря, впустую’, *бусы капка* (*басу капка*) ‘полевые ворота’, *арамтамак* (ср. *ä́räm-tä́mak*) ‘нахлебник, дар-

моед' (досл. зря + горло), акшанвакыт 'вечернее время, сумерки', аккыш (аккош) 'лебедь', агайны 'родственники мужского пола' и т. д.

Есть другой вид сложных слов, образованных по готовой модели с использованием одного заимствованного и одного родного компонента, то есть полукальки.

Например, *азькочер* 'передняя ось', где I компонент удмуртский + татарский; *торогой папа* 'жаворонок' – I компонент татарский + удмуртский; *аракыпозьтон* 'кумышковарение'; *миньдэркышет* 'наволочка', *азаутинь* 'клык' и т. д.

О полных кальках речь приходится вести осторожно, потому что здесь трудно судить о первенстве языка-источника. Реже может быть и обычный параллелизм, т. е. каждое из слов образовано в своем языке, а их номинативные признаки оказались схожими. Однако несколько бесспорных примеров можно было бы привести. Например, *тътпосуда* 'обувь' является полной калькой. Это слово в разных вариантах распространено почти во всех тюркских языках: тат. *аяк савыты*, тур. *ayakkabi* и т. д.

К спорным, с точки зрения первенства, можно отнести такие слова, как *тус'ты-пун'ы* и *савыт-саба* 'посуда', *ты-мус* и *өпкә-бавыр* 'потроха', *нылти* и *кыз-ул* 'дети', *уй-нунал* и *көн-төн* 'сутки', *дыдыксин* и *күгәрчен күзе* 'фиалка трехцветная'.

К таким общим терминам, первоисточник которых трудно сейчас установить из-за их древности, можно отнести также такие, как тат. *карабадай* (досл. 'черная пшеница'), чув. *хуратул* (досл. 'черная оболочка'), мар. *шемшыдаг* (букв. 'черная пшеница') в значении 'гречиха'; тат. *арыш анасы/чув. ыраш амәйшә/мар. уржава*, удм. *зеганай*, морд. *аннарузи/розява* или *норов ава* в значении 'спорынья'; тат. *сабантуй*, чув. *акатуй*, мар. *агапайрем* в значении 'сабантуй'. Они могут быть результатом словотворчества любого из этих языков.

В целом материалы языка свидетельствуют о том, что совместное развитие близко соседствующих языков, даже неодинаковых типологически, дало некий сплав языков, называемый ныне Волго-Уральским языковым союзом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Борисов Т. К. Удмурт кыллюкам. Ижевск: Удм. ин-т ист., языка и лит. УрО АН СССР, 1991. 384 с.

Гордеев Ф. И. Этимологический словарь марийского языка. Т. 1. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-ов, 1979. 255 с.

Кельмаков В. К. К истории удмуртского и пермского языкознания: Хрестоматия по курсу "История изучения удмуртского языка" / Удмуртский государственный университет. Кафедра общего и финно-угорского языкознания. Ижевск: Изд. дом "Удмуртский университет", 2002. 445 с.

Пермистика 2: Вихманн и пермская филология: Сб. ст. Ижевск: Удм. ин-т ист., языка и лит. УрО АН СССР, 1990. 208 с.

Тараканов И. В. Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи (теория и словарь). Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1993. 170 с.

Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. Казань: Фонд ТЯК, 1990. 310 с.